

В цьому номері продовжуємо публікацію матеріалів про відомих істориків та їхні здобутки в дослідженні історії козацтва.

COSSACKS STUDIES

In this volume we continue the publications of materials on the famous historians and on their achievements in the field of investigation of Cossackdom history.

УДК 94.001.32(477) – 058.229

Олександр Музичко

МАЛОВІДОМИЙ УКРАЇНОЗНАВЧИЙ РУКОПИС А.В. ФЛОРОВСЬКОГО: УВЕДЕННЯ ДО ІСТОРІОГРАФІЧНОГО КОНТЕКСТУ

У статті до історіографічного контексту уведено маловідому рецензію на монографію ніжинського історика Г.Максимовича, яку підготував у 1917-1918 рр. для Російської Академії наук одеський історик А.В.Флоровський у зв'язку з поданням цієї монографії на премію графа Уварова.

Важливим завданням історіографа є виявлення та уведення до історіографічного “обігу” невідомих і маловідомих (в сенсі не зауважених дослідниками певної проблеми, відомих лише вузькому колу архівістів чи приватних зберігачів) наукових рукописів істориків. За нашими спостереженнями, до останніх найчастіше належать відгуки та рецензії з нагоди представлення до кар’єрних звань чи наукових ступенів, премій тощо. Розглядаючи ці рецензії як внутрішню документацію, члени наукових чи освітніх інституцій були схильні оприлюднювати їх лише в екстрактах чи взагалі утримувались від публікацій у своїх виданнях чи окремими відбитками. Часто знаки давались обмеженість фінансово-друкарської бази, особливості приватних та наукових взаємин, складні політичні обставини. Іноді рецензіям та відгукам надавали другорядне значення порівняно з монографічними науковими роботами. Натомість ця група історіографічних джерел є незамінною для пізнання реакції рецензента на певні наукові та суспільно-політичні питання, його творчих зацікавлень, індивідуальних нахилів та особистих взаємин з колегами, індивідуальних рис стилю мислення, уточнення і повнішого окреслення підходів до розробки певних проблем, а часом віднайдення несподіваних й оригінальних поворотів думки, фіксації поточної ситуації, стереотипів та упереджень, що побутували в тодішньому інтелектуальному середовищі, виявлень новітніх ідей, підходів тощо. Рецензії досить чітко відображають особливості взаємин між дослідниками, зокрема певні етичні, психологічні та інші аспекти, інколи містять матеріал для відтворення творчої лабораторії історика чи неформальних стосунків учитель/учень²⁸². В такому

²⁸² Ясь О. Рецензія у науковій творчості історика: проблеми різновидів та функціонального призначення // Україна модерна. – 2007. – Ч. 12. – С. 97–128.

контексті рецензії є спорідненими з епістолярією – ще однією групою історіографічних джерел, надважливою для пізнання внутрішніх обставин розвитку історичної науки.

У цій статті зазначені особливості рецензій як історіографічного джерела розкрито на прикладі маловідомого рукопису відомого, особливо славістам, історика Антонія Васильовича Флоровського (1884-1968). Ступінь вивченості першого, “вітчизняного”, етапу біографії історика (1884-1922) на сьогодні значно поступається вивченості “емігрантського” періоду (1922-1968), коли він власне і став істориком “першого плану”. Власне, до такої диспропорції спричинився сам науковець, адже у своїх анкетах та автобіографіях він здебільшого висвітлював другий великий період свого життя. Цей самий період головним чином відбивають матеріали його особистого архіву. Зокрема, згадуючи про одне зі своїх головних досягнень одеського періоду, – отримання у 1916 р. почесної премії графа Уварова від Російської Академії наук (РАН) за магістерську дисертацію “Состав Законодательной комиссии 1767-1774 гг.”, А. Флоровський зігнував не менш важливий факт – отримання золотої медалі від РАН у 1918 р. за рецензування аналогічної за тематикою монографії ніжинського історика Георгія Андрійовича Максимовича. Не виключено, що в буремні часи 1918-1919 рр. рішення РАН могло не дійти до Одеси і залишитись невідомим одеситу. Матеріали про цю подію не відклалися ані в одеських архівних фондах, ані в особовому фонді історика в Архіві РАН (Москва). До сьогодні про неї не згадав жодний з доволі численних біографів А. Флоровського. У Санкт-Петербурзькій філії Архіву РАН у фонді РАН нами виявлено відповідні матеріали і, найголовніше, оригінальний текст рецензії А. Флоровського.

Публікуючи цю рецензію, слід передусім зупинитися на обставинах її появи та місці у структурі наукового доробку А.Флоровського. Вчителем А. Флоровського в Новоросійському університеті (НУ) був професор, член-кореспондент РАН (з 1913 р.) І.А.Линниченко. Перекоаний в тому, що “студент не навчившийся работать научно в университете, не научится этому уже никогда”, він прагнув максимально орієнтувати своїх учнів на розробку актуальних наукових тем. Робив він це і з більш глобальною метою. У листі до міністра народної освіти О. Шварца він писав, що у нього працює низка дуже здібних молодих людей, “и я естественно хочу оставить здесь свою школу... я буду иметь заместителей, которыми смогу гордиться”. Медальні роботи учнів, зокрема, А. Флоровського 1910 р., він називав своєю лебединою піснею, продуктом своєї лабораторії. Щоправда в іншому листі він зазначав, що лише медичний факультет є школою практичною, а решта факультетів – науковими лабораторіями, а не школами викладачів²⁸³. В такому разі “лабораторія” поставала як менш масштабне, підготовче, явище, навчання в якій надавало лише деякі початкові навички.

Дуже важливою для долі його учнів була комунікативна функція І. Линниченка: свої листи до численних знайомих з наукової еліти він наповнював повідомленнями про успіхи своїх учнів, проханнями допомо-

²⁸³ Російський державний історичний архів. – Ф. 1672. – Оп. 1. – Спр. 497. – Арк. 1, 14,15–16.

гти їм у розшуку джерел, книг, публікаціях, кар'єрному зростанні. Не в останню чергу успішний магістерський захист А. Флоровського у Московському університеті та отримання премії від РАН були зумовлені зв'язками його вчителя з академіками О.О.Шахматовим, О.С.Лаппо-Данилевським, М.М. Богословським, Ю.В.Готье та ін. Певною мірою, зв'язки І. Линниченка зумовили й появу рецензії А. Флоровського на працю професора Ніжинського історико-філологічного інституту князя О. Безбородька Г.Максимовича (1877-?). До цього висновку спонукає лист Г. Максимовича до І. Линниченка від 30 березня 1914 р. Ніжинський історик дякував одеському колезі за надіслані ним рецензії на кандидатські дисертації своїх учнів (напевно, йшлося про дисертації А.Флоровського, М.Слабченка й П.Клепацького) та у відповідь надсилав йому свої книжки з історії Лівобережної України XVIII ст. На завершення листа, Г.Максимович просив повідомити, якщо хтось з учнів І. Линниченка напише рецензію на його книгу (імовірно, малася на увазі праця “Деятельность графа П.А.Румянцева-Задунайского по управлению Малороссией” (Нежин, 1913), яку Г.Максимович у 1914 р. захистив як магістерську дисертацію), таким чином фактично спонукаючи їх до цього²⁸⁴. Проте до 1918 р. ці рецензії не були написані.

Натомість засноване та очолене у 1911 р. І.Линниченком Одеське бібліографічне товариство (ОБТ) при НУ перетворилось на своєрідну лабораторію, в якій його учні відпрацьовували навички рецензування. Подібну методику застосовували й інші провідні європейські професори. Так, М.Грушевський активно залучав своїх студентів до роботи в рецензійному відділі “Записок НТШ”. Поряд з медальними працями цей жанр історіописання був найбільш представницьким у доробку учнів І. Линниченка на першому етапі їхньої наукової діяльності. Сторінки “Известий” ОБТ заповнені рецензіями С. Аваліані, М.Слабченка, П.Клепацького, Є.Загоровського, Д.Атлас й А. Флоровського. Цей жанр так захопив їх, що досвід рецензування вони продовжили на сторінках столичних видань²⁸⁵. Біографи А.Флоровського не виділяють рецензії в окрему групу в структурі його наукової спадщини, віддаючи перевагу структуруванню за національно-територіальною чи тематично-хронологічною ознакою²⁸⁶. Проте, якщо вдатися до жанрово-видового критерію, безумовно, рецензії мають бути виділені в окрему та досить помітну групу серед “одеських” праць А.Флоровського (на початку 1920-х рр. він нараховував до 45 своїх наукових робіт, що значно пере-

²⁸⁴ Одеська національна бібліотека імені М.Горького. Відділ рідкісних видань та рукописів. – Ф.45. – К.1. – Арк. 3–4.

²⁸⁵ А.Ф. [А. Флоровський] Собрание сочинений В.И. Григоровича // Исторический Вестник. – 1916. – № 6. – С.780–781; Поручик Слабченко [М.Є. Слабченко]. Рец. на: Мемуары кн. А. Сапеги. – Птр, 1916 // Исторический Вестник. – 1916. – № 8. – С. 512–515.

²⁸⁶ Попова Т.Н. Заметки об изучении интеллектуальной истории А.В. Флоровского // Причорноморський регіон у контексті європейської політики. – Одеса-Ополе-Вроцлав, 2008. – С.319–328; Калінку В.В. Первинний погляд на бібліографію творів Антонія Флоровського: “одеський” період // Вісник Одеського національного університету ім. І.І.Мечникова. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. – 2009. – Т. 14. – В. 19. – С. 153–161.

вищує цифри, які називають його сучасні біографи²⁸⁷). Як відомо, в еміграції він аж ніяк не відмовився від рецензування.

М.Грушевський розглядав рецензію передусім як нагоду для докладного висловлення власних, часто протилежних думок і відповідно до жорсткої полеміки з автором. До цього він привчав своїх учнів. Будучи всі роки своєї наукової діяльності “затягим” і жорстким рецензентом, І.Линниченко декларував аналогічну позицію, відмовляючись від бібліографічної описовості і вдаючись до критики змісту книги. До такого підходу він вдався, рецензуючи на засіданнях ОБТ праці В.Лянскоронського, А.Падалки, І.Огієнка. Подібними були рецензії П.Клепацького. Інші учні професора здебільшого схилилися не так до наукової критики та полеміки, як до реферування наукових праць. Зокрема, А.Флоровський висловлював лише лаконічні й обережні сумніви щодо аргументації автора, звертаючи увагу на дрібні деталі, при цьому іноді спираючись на погляди інших наукових авторитетів²⁸⁸.

А.Флоровський вважав, що успіх його роботам забезпечила “багата та ретельно опрацьована документальна основа”. Проте, більшість сучасників історика (І.Линниченко, А.Коган, Г.Вернадський), віддаючи належне його енциклопедичності, водночас зауважували й не таку вже ідеальну рису як відсутність узагальнень, фактографізм. Досить жорстко це враження акумулював брат історика, видатний філософ Георгій, твердячи, що Антоній та його сестра Клавдія (медієвіст, вихованка І. Гревса) “были учеными, но не интеллигентами. Их отличал интерес к фактам истории, к событиям прошлого, но не увлекала их суть и смысл”²⁸⁹. Власне, жанр рецензії виопуклював ці особливості наукового стилю А.Флоровського.

Це, безумовно, не могло завадити РАН звернутися саме до одеського спеціаліста з проханням рецензувати відповідну його науковим інтересам монографію Г.Максимовича “Выборы и наказания в Малороссии в Законодательную Комиссию 1767 г., ч. 1. Выборы и составление наказов” (Нежин, 1917), що була висунена 1917 р. на 60 конкурс під егідою РАН зі здобуття престижної премії графа Уварова за історичні твори. Як вже було згадано, незадовго до того А. Флоровський сам став лауреатом цієї премії, як і ще раніше (1915) інший одесит та учень І. Линниченка С. Аваліані, що свідчило про зростання авторитету та потенціалу одеської історичної науки. На той момент авторитет А. Флоровського як дослідника цього важливого епізоду з історії Російської імперії і, зокрема, Гетьманщини, вже був незаперечний. Про це, свідчить зауваження авторитетного російського історика С.Ф. Платонова у своєму загальному курсі історії Росії про те, що “очень хорошо рассмотрена организация и состав

²⁸⁷ ДАОО. – Ф. Р-129. – Оп. 1. – Спр. 72. – Арк. 61.

²⁸⁸ Флоровский А.В. Новый взгляд на происхождение Русской Правды // Известия Одесского библиографического общества (ОБО) при НУ. – Т. 1. – В. 4. – С. 97–122; Його ж. Pierling P. Dmitri dit le Faux et les Jesuites (1913)//Известия ОБО при НУ. – Т. 2. – В. 4. – С.355–358 та ін.

²⁸⁹ Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия // Г. Флоровский: священник, богослов, философ. – М., 1995. – С. 171–172.

комиссии 1767 г. в сочинении А.В. Флоровского “Состав Законодательной комиссии 1767-1774 гг.”²⁹⁰

У листі 5 жовтня 1917 р. до академіка С.Ольденбурга Г. Максимович дякував за присудження його монографії такого почесного відгуку. Ця подяка виглядає не зовсім зрозумілою та передчасною, адже лише 4 листопада 1917 р. відбулося засідання преміальної комісії у складі неодмінного секретаря ординарного академіка С.Ф.Ольденбурга, академіків О.С.Лаппо-Данилевського, М.О.Дьяконова, Є.Ф.Карського, які звернулись до А.Флоровського з проханням до 1 квітня 1918 р. надіслати рецензію на працю Г.Максимовича²⁹¹. Імовірно, А. Флоровський вже мав можливість ознайомитися зі змістом вочевидь дуже цікавої для нього праці, адже ніжинський історик надіслав її принаймні І.Линниченку. На примірнику цієї праці у фондах Наукової бібліотеки ОНУ імені І.І.Мечникова є дарчий напис автора: “Глубокоуважаемому Ивану Андреевичу Линниченко от автора”.

У листі до С. Ольденбурга від 29 листопада 1917 р. А.Флоровський писав, що вважає за свій високий обов’язок прийняти приємну для нього пропозицію РАН представити докладну рецензію на твір Г.Максимовича²⁹². Певна пікантність ситуації полягала у тому, що вихованець М.Довнар-Запольського, досліджуючи паралельно з А.Флоровським історію виборів до Законодавчої Комісії в Україні, у своїй монографії зробив низку виправлень у твердженнях свого одеського колеги та доповнив їх на основі нових джерел²⁹³. Зокрема, Г.Максимович зауважив, що більшість містечок, де П.Румянцев скасував вибори, мали змішаний склад населення, а не були вцент заселені козаками, як вважав А. Флоровський. Деякі уточнення виглядали уразливо для “его” одесита.

20 березня 1918 р. одеський історик надіслав відгук з вибаченнями за затримку у зв’язку з порушенням нормального зв’язку між Україною та Великоросією²⁹⁴. Текст рецензії не відрізняється радикально від попередніх рецензій Антонія Васильовича. Вочевидь, переважає реферування, хоча А.Флоровський дещо більше, аніж у своїх інших рецензіях вдався до критичних зауважень, переважно фактичного характеру. Зокрема, він “повернув” Г.Максимовичу його зауваження щодо помилок археографічного характеру, додавши до них і деякі історіографічно-бібліографічні прогалини. Навіть реферування надає важливе для історіографа уявлення про позицію А.Флоровського щодо діяльності Комісії в Україні, зокрема, критику позиції П.Румянцева щодо участі у виборах козацтва. З іншого боку, аналіз твору Г. Максимовича надав можливість одеському історичу висловити власне методологічне кредо щодо

²⁹⁰ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Plat/_23.php

²⁹¹ Санкт-Петербурзька філія архіву Російської Академії наук (далі – СПбФ АРАН). – Ф. 2. – Оп. 1-1917. – Спр. 26. – Арк. 20–21, 23.

²⁹² СПбФ АРАН. – Ф. 2. – Оп. 1-1917. – Спр. 26. – Арк. 28.

²⁹³ Максимович Г. Выборы и указы в Малороссии в Законодательную комиссию 1767 г. – Нежин, 1917. – Ч. 1. – С. 16, 227, 229, 245, 292, 294, 309.

²⁹⁴ СПбФ АРАН. – Ф. 2. – Оп. 1-1917. – Спр. 26. – Арк. 41.

дослідження історичних явищ у ширшому, аніж у ніжинського історика, ракурсі. Водночас, для обох дослідників понад усе залишався позитивістський принцип насичення своєї праці новими архівними джерелами. Під час обговорення праць Г. Максимовича в університеті Св. Володимира у 1918 р. М. Довнар-Запольський та інший його учень Б.Г. Курц висловили щодо праць Г. Максимовича абсолютно аналогічні оцінки²⁹⁵. Однак, як вже було зауважено, сам А. Флоровський не зміг вийти поза межі фактографізму.

Рецензія А. Флоровського важлива й в ще одному, на перший погляд, не дуже помітному аспекті. В історіографії він здебільшого розглядається як російський науковець в етно-культурному значенні цього поняття і одночасно як представник російської історіографічної традиції. Якщо етно-культурний аспект цього твердження не може викликати заперечень (А. Флоровський послідовно вважав себе “русским”), то еволюція поглядів історика виглядає не так однозначно. У попередній статті ми вказували на те, що в еміграції він віддав данину українській візії історії козацтва²⁹⁶. Однак, загалом солідаризуючись з поглядами Г.Максимовича, більш наближеного до української історіографічної традиції, А.Флоровський частково наближався до української візії історичного процесу ще до від'їзду в еміграцію. Показовою є еволюція термінологічного апарату одеського історика. У працях 1910-х рр. він традиційно для російської історіографії окреслював українські землі як “Малоросію”. Натомість у тексті рецензії, написаної наприкінці 1917 – на початку 1918 рр., в умовах Української революції, поширення в університетах курсів з історії України, він, можливо напівсвідомо, значно частіше використав поняття Україна в етнонаціональному сенсі. Поняття “Малоросія” він частіше вживав виключно в історичному сенсі. Швидше за все, якщо б А. Флоровський залишився на Батьківщині, внаслідок складного взаємопереплетіння зовнішньої кон'юнктури та внутрішньої світоглядної еволюції він поглибив би ці риси своїх поглядів аналогічно Є. Загоровському, С. Боровому та деяким іншим.

Позитивний висновок А. Флоровського разом з розсередженими в тексті прихильними характеристиками праці колеги, в очах комісії РАН проте не переважив його досить лапідарні критичні зауваження. Згадані академіки на засіданні 29 травня 1918 р. вирішили велику нагороду у 1500 крб. та малі нагороди по 500 крб. не присуджувати. Натомість А. Флоровському та рецензентам двох інших конкурсних робіт було вирішено висловити глибоку подяку та надати золоту медаль. Однак, у зв'язку зі складними політичними обставинами, медаль було неможливо виготовити. Тому медалісти мали отримати певну суму грошми²⁹⁷.

Наприкінці 1919 р. у звіті про наукову роботу А.Флоровський писав: “по порученню РАН написав отзыв на книгу Г.Максимовича, но напеча-

²⁹⁵ Ульяновський В. Національне питання в університеті Св. Володимира в 1917–1918 рр.: спроба відкриття кафедри історії України // http://www.nbuv.gov.ua/Portal/soc_gum/uashch/2007_12/S224-246.pdf

²⁹⁶ Музичко О. Козакознавчі студії Одеської школи істориків професора І.А. Линниченка // Чорноморська минувщина. – Вип. 4. – Одеса, 2009. – С. 143–156.

²⁹⁷ СПбФ АРАН. – Ф. 2. – Оп. 1-1917. – Спр. 26. – Арк. 80.

тан ли этот отзыв – нет сведений”²⁹⁸. Напевно, це зауваження, підтверджує припущення, висловлене нами на початку цієї статті, що одеський історик так і не дізнався про резолюції конкурсної комісії РАН.

Негативне рішення РАН тим не менш дозволило Г.Максимовичу без великих проблем у тому самому 1918 р. захистити рецензований А. Флоровським твір як докторську дисертацію в університеті Св. Володимира і на цій підставі бути обраним у викладачі цього закладу. Втім, у радянський час Г. Максимович, за великим рахунком, так і не зміг знайти себе як науковець, на відміну від А. Флоровського, якому у перші роки радянської влади та навіть у важких умовах еміграції вдалося не лише продовжити вивчення своєї першої наукової теми, але й вийти на низку інших проблем.

Отже, рецензія А. Флоровського надає додаткову інформацію не лише про його наукові погляди, взаємозв'язок між А. Флоровським та І. Линниченко по лінії вчитель/учень, але й про зв'язки між Одеським, Ніжинським, Санкт-Петербурзьким центрами історичної науки, одеськими істориками та академіками РАН, розвиток історіографії у буремні і відносно неповно досліджені роки революцій та війн на території колишньої Російської імперії, на зламі “старої” та “нової” історіографій.

Публікація тексту рецензії дозволить зацікавленим особам включити її до нових дослідницьких контекстів. (Невідоме раніше фото А. Флоровського див. с.150).

Запропонований текст є оригіналом, набраним на друкарській машинці форматом А4. Наприкінці тексту підпис А. Флоровського.

В публікації збережено особливості мови, стилю та пунктуації оригіналу. Орфографію скориговано згідно з нормами сучасної російської мови, зокрема, літеру “і” замінено на “и”. Твердий знак в кінці слів опущений. Необхідні роз'яснення від автора статті позначені у рукописі цифрами (в оригінальному тексті вони відсутні).

ДОДАТОК

Отзыв о сочинении Г.А. Максимовича

“Выборы и указы в Малороссии в Законодательную Комиссию 1767 г.”

Часть первая. Выборы и составление указов. Нежин. 1917.

А.В. Флоровский. Одесса. 1918.

В истории развития украинского общественного самосознания события 1767–1768 годов останутся навсегда памятными и знаменательными как один из наиболее ярких моментов борьбы за сохранение традиционного общественного и политического уклада местной жизни против объединительных и нивелирующих тенденций центрального русского правительства и его агентов. Созыв Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, привлекая и население Малороссии в лице

²⁹⁸ ДАОО. – Ф. 45. – Оп. 4. – Спр. 2560. – Арк. 81.

его представителей к делу создания нового кодекса законов для всей России, выдвинул в среде местного населения вопрос об отношении этого нового кодекса к бытовым и правовым устоям краевой жизни, освященных авторитетом старины и самобытности. Манифест 14 декабря 1766 г. с призывом о выборах депутатов являлся в известной степени испытанием для стойкости и твердости малорусских традиций и активных симпатий к дедовской старине перед надеждой быть строителями нового счастья в размерах “сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться”.

Русская историческая наука уже издавна подходила к всестороннему освещению фактов и настроений связанных с участием представителей Украины в деятельности Комиссии 1767 - 74 гг. – и в этом отношении книга Г.А. Максимовича заключает собой довольно длинный ряд публикаций как материалов, так и исследований, начало которым было положено еще в середине девятнадцатого века. Почти все прежние работы по интересующему нас вопросу имеют одну общую особенность, - они имеют частный, случайный характер, касаясь отдельных документов или небольших собраний бумаг более или менее случайного состава, частью относящихся лишь к отдельным эпизодам, или же с известной полнотой освещая лишь какую-либо сторону исторического момента. Эти свойства опубликованного доньше материала объясняют и характер исследований, касающихся отношений населения Украины к Комиссии 1767 г. Это – или систематический обзор содержания изданных наказов от отдельных разрядов населения края, или рассмотрение редких выступлений малорусских депутатов в заседаниях Большой Комиссии, или основанные на случайном и неполном подборе данных соображения о порядке осуществления на местах начал избирательного закона 14 декабря 1766 г., об отношении к избирательной кампании и отдельным ее эпизодам представителя центрального правительства в крае гр. Румянцева и т.п. Таким образом до последнего времени оставался сравнительно недостаточно освещен во всех деталях, из которых и слагается общая картина, столь важный и серьезный в истории малорусского общества момент. Отдельные случайно известные эпизоды при отсутствии полной осведомленности о ходе дела на всей территории Украины могли быть переоценены в их значении и характерности: жалобы и пожелания населения, изложенные в наказах населения, принимались истинным выражением воззрений избирателей без выяснения вопроса о происхождении этих “наставлений” и т.п. Такое состояние разработки вопроса по истории отношений Украины и Комиссии 1767 - 74 г. ставило на очередь задачу – предварительно детально изучить все обстоятельства, сопровождавшие осуществление указаний манифеста 14 дек. 1766 года – как выборов депутатов, так и составление наказов, степени их самостоятельности, взаимных отношений их текстов, наличности того или иного столкновения воззрений и влияний при сочинении этих инструкций и т.п. Только такая кропотливая и тщательно выполненная работа может дать совершенно твердую почву для общих заключений об истинном настроении местного

населения, его нуждах и стремлениях и притязаниях и найти действительное место в истории украинского общественного самосознания событиям 1767-68 годов. Подобные работы в отношении неукраинских частей России были не раз уже предприняемы исследователями и привели к известным прочным заключениям, – но обособленность архивных фондов по истории Малороссии 18 века и своеобразие ее исторической судьбы и общественно-политического строя заставляли работавших по истории Комиссии 1767 г. отклонять от себя задачу широкого подхода по вопросам украинским, выделяя их в качестве задачи для самостоятельного обследования.

Г.А. Максимович подошел к этой теме в связи со своими работами по изучению деятельности гр. Румянцева-Задунайского в Малороссии. Один из его любопытных и характерных для Румянцева эпизодов его работы в этом крае – выборы в Комиссию от населения Украины по состоянию его изучения и материалов для него не мог быть замкнут в узкие рамки лишь главы книги о Румянцеве и получил самостоятельную постановку, какой и заслуживал по своему значению в истории развития украинского общественного самосознания. По общему замыслу исследования, имеющего целью дать всестороннее изображение и фактической и идейной стороны исторического явления, Г.А. Максимович разделяет свой труд на две части, из которых первая посвящена истории выборов и составления наказов, как “самостоятельного и важного явления в жизни малороссийского общества” во всей сложности его подразделений, разногласий отдельных его частей и т.п. Этот обзор фактического характера вместе с тем должен иметь значение и оценки наказов, как исторического источника, на основании каковой и возможно научное изучение нужд, желаний и стремлений украинского общества, что явится содержанием второй части книги г. Максимовича. В настоящий момент мы имеем только первую часть этого исследования и таким образом вся широта и сложность изучаемого явления не раскрываются в полном объеме, оставаясь лишенной освещения со стороны идейных разногласий, стремлений и интересов. И очевидно, только после выполнения всего замысла Г.А. Максимовича его труд может быть оценен со стороны его значения в истории изучения малороссийских общественных отношений. Ныне же мы имеем все же лишь широко заложенный фундамент, прочность и техническое совершенство которого могли бы быть залогом совершенства и научной основательности и всего ученого здания.

Первое впечатление, которое естественно получается при прочтении книги Г.А.Максимовича, заключается в том, что изложение обставлено значительным количеством нового архивного материала, который дает возможность осветить ранее неизвестные стороны дела выборов и сочинения наказов, исправить ошибки и пробелы предшествовавших исследователей, естественные у них благодаря случайной их осведомленности. Г.А.Максимович первый обратился к главному источнику сведений для своей темы – именно к Архиву малороссийской коллегии, в котором сохранилась переписка по выборам из того собрания, нахо-

дящегося в Архиве харьковского историко-филологического общества – исследователем использованы дела №№ 2397 и 2528, давшие наибольшее, по видимому, количество сведений. Впервые привлечены в широкому изучению немногими ранее читанные указы, находящиеся в архиве Государственного Совета, дела второго отд. Канцелярии Е.И.В., в 105. Материалы других архивов, использованные г. Максимовичем, были в значительной части уже не раз в руках исследователей, но не послужили основой для широкой разработки. Так коллекция бумаг Судиевской, хранящаяся в рукописном отд. Библиотеки Университета Св. Владимира /в рассм. книге ссылки на дела 125 и 127/, была изучена еще В.Г.Авсеенко в начале шестидесятых годов, использована для издания “Наказов” Киевской Старины 1889 года и т.п. Письма гр. Румянцева к Императрице Екатерине и некоторые другие материалы, хранящиеся в Государственном Архиве, XIII, № 83, частью опубликованные еще Соловьевым в 1861 году и в 27 томе его Истории России, а также изучены пишущим эти строки. Помимо названных архивов Г.А. Максимович нашел для своей работы некоторый материал в Моск. архиве Мин. Юстиции – с одной стороны в делах Сената /6446, 3773, 6450, 3804, 3777/, из которых взяты главным образом некоторые частные факты и сведения, – и с другой стороны – в делах упраздненных Черниговских уголовного и гражданского судов, по описи 4, № 102 и 106 и по описи 7, дело 214, которые дали возможность восстановить ход дела о выборах депутата от шляхетства Нежинского и Батуринского поветов. Несколько ссылок встречаем на сборник “Собрание редкостей” из Библиотеки Харьковского Университета /см. стр. 143, 160/.

Из всего изученного материала Г.А. Максимович небольшую, но очень ценную часть воспроизвел в виде приложения к своему исследованию. Здесь впервые в полном виде напечатаны весьма важные и любопытные доношения Румянцева Императрице о выборах в Малороссии. Нельзя не отметить, что доношения здесь напечатаны не вполне исправно, правда лишь в частностях. Так в первом же доношении мы в строке 4 снизу видим слово “небеяской”, в то время как в оригинале стоит “неборзской”, что, кажется, более соответствует содержащемуся в этом отрывке противопоставлению: “характер мой терпеливой и неборзской, но не доставало моего терпения сим вралям далее попускать” /стр. 317, 123/; на стр. 318 в строке 19 снизу напечатано: “о поведении из такова сведения не имея”, должно быть, – “никакого сведения”; строка 10 снизу, а также стр. 108: “каким бы образом по их набитю, то есть приобретены не были” имения, а следует – “по их наречию набиты”, в дополнении третьем конец первого абзаца на стр. 328 испорчен, – должно читать – “чтоб под видом тех оставаться большими не узнавая над собою никакова надзирателя”, без подчеркнутых слов получается нелепая фраза: см. еще на стр. 331, строка 3 сверху – должно быть по смыслу не “прямое”, не “прямее”.

Другое замечание, которое естественно возникает по поводу доношения Румянцева, заключается в том, что ради полноты характеристики Румянцева к делу выборов и для лучшей оценки самого умонастро-

ния его по вопросу об участии представителей населения Малороссии в Законодательной Комиссии и по поводу местных “бессмысленных мечтаний” и брожений необходимо было бы воспроизвести и письма Императрицы Екатерины к Румянцеву за время и по вопросам украинской избирательной кампании. Бросается в глаза то обстоятельство, что Г.А. Максимович пользуется этими письмами в издании “Сочинений Екатерины Второй” Смирдина, т. 3 и в извлечениях, данных С.М. Соловьевым, между тем как в этих изданиях они напечатаны неполно и неисправно, подлинники же хранятся в полном и хорошем виде в легко доступном хранилище, указанном и Соловьевым, - именно в Московском Архиве Мин. Иностр. Дел. Этим собранием писем Екатерины 2-ой важно было бы воспользоваться и в том отношении, что здесь, повидимому, случайно оказалось письмо Румянцева к Императрице от 5 августа 1767 года, имеющее значительный интерес по указаниям на историю составления наказа от малороссийской коллегии и по другим замечаниям. Это письмо, как и опущенное Г.А. Максимовичем письмо Румянцева от 2 марта 1767 г., частью касающееся и Комиссии, должны были бы, несомненно, занять место среди напечатанных в рассматриваемой книге “доношений”. Ограничиваясь этими замечаниями относительно привлеченного к работе г. Максимовича архивного материала, отметим еще, что порядок цитации в книге принят слишком упрощенный и затрудняющий проверку ссылок. - именно без указаний листов или страниц обширных связок и “дел”, каковы наверное дела из Харьковского Архива №№ 2397, 2528.

Что касается литературы вопроса, то Г.А. Максимович привлек к делу почти все написанное по вопросам его темы. Кое что, однако, осталось им неупомянутым, м.б. и неизвестным. Конечно, такие статьи В. Доманицкого - “Два момента” в Украинском Вестнике за 1906 г. или “Колись и тепер” в Киевской старине того же года не представляют серьезного научного интереса, содержа лишь сопоставления и общие характеристики общественных настроений. Но существеннее содержание статьи В. Авсеенко - Малороссийское шляхетство в 1767 г. /Русский Вестник 1863,8/, не поглащенной его книжечкой “Малороссия в 1767 году” являющейся, в сущности, лишь оттиском из газеты; не использованы замечания пишущего эти строки о тексте наказа малороссийской коллегии, о чем будет речь еще ниже (См. Флоровский Из материалов по истории прикрепления крестьян в южной России. Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. 28. Некоторое сужение темы, неоговоренное и немотивированное в книге, объясняет отсутствие ссылок на материалы и статьи, касающиеся составления наказов или “пунктов” архиереев и духовенства Малороссии, которое в своих настроениях и притязаниях недалеко отходило от охранителей дедовских традиций и воспоминаний гетманщины из среды светского украинского общества²⁹⁹.

²⁹⁹ См. Дианин. Малороссийское духовенство во второй половине 18 века /по пунктам малороссийского духовенства, представленным в екатерининскую комиссию для составления нового уложения/. - К., 1904./из Трудов Киевской Дух. Академии./

Вопрос об участии представителей Малороссии в работах Комиссии 1767-74 годов не был без колебаний решен Имп. Екатериной II. При всей определенности ее воззрений на судьбу старинного общественно-политического уклада украинской жизни, выразившихся в известной инструкции гр. Румянцеву при его назначении в Малороссию в 1765 году³⁰⁰. Императрица не сразу установила обязательную присылку депутатов от малороссийского населения, несколько раз возвращаясь к этой мысли и переходя от освобождения украинцев от работы над новым проектом Уложения с предоставлением им права свободно решать эту задачу и поступить по своему “умонаклонению”, сохраняя в случае отказа своеобразие особенностей своего быта и строя – к конечному решению совершенным замолчанием этого вопроса в избирательном законе распространить его обязательное действие и на жителей Малороссии. Такое отношение Имп. Екатерины II и ее сотрудников по составлению актов 14 декабря 1766 года к вопросу о Малороссии было обстоятельно выяснено уже до Г.А. Максимовича, и поэтому в его книге мы видим лишь сжатое и краткое указание по этому вопросу. К новому материалу и к самостоятельным и новым заключениям и наблюдениям обращается исследователь уже на почве Малороссии, изучая применение общих норм избирательного закона к особенностям местного общественно-го уклада и административного строя.

Избирательный закон предоставлял известную широту и свободу самостоятельного на местах разрешения тех или иных вопросов выборного дела, - как частных, не влиявших на общие результаты всегда дела, так и существенно-важных, имевших серьезное значение для населения и для общей картины состава и организации Комиссии. Представители центральной власти в том или ином крае, губернии или уезде по собственному разумению или по указаниям заинтересованных учреждений и групп населения принимали те или иные толкования недомысленных мест закона, часто не согласуясь в этом случае с практикой соседей. Граф П.А.Румянцев издал предварительно ряд распоряжений о сроках выборов в разных округах и участках, о руководителях первой стадии выборов, когда председательствовали по закону лица по назначению. Помимо этих указаний в сущности внешнего и формального значения, хотя и в них могла быть известная тенденция в смысле очереди избирательных округов /Максимович, 10/ и подбора “начальников”, Румянцев издал еще особый “циркулярный лист” общего содержания, едва ли имевший право рассчитывать на решающее влияние на избирателей, не представлявший все же, как указывает г. Максимович, попытку “удержать малороссийское общество от проявления политических и сепаратических стремлений и направить в сторону интересов общегосударственных” /стр. 7/. Если в этом “циркуляре” проявилось стремление генерал-губернатора так или иначе повлиять на население лишь увещанием и уговором, то в других случаях гр. Румянцев нередко

³⁰⁰ Г.Максимович цитирует ее /стр. 4/ по старому изданию 1858 г., а по новому исправленному в Истории Сената, т. 2, где как раз выписано место инструкции полнее ранее известного текста.

обращался к более решительным мерам воздействия и иной раз даже превышал права, предоставляя представителям местной власти в законе 14 дек. 1766 г. Еще со времени появления в печати статьи С.М. Соловьева в 1864 г. статей В.Г.Авсеенко в 1863-64 гг., а затем изд. “Наказов” 1889 г., деятельность гр. Румянцева в этом отношении была выделена на особое место по особой активности его роли в деле выборов, не имевшей примеров в других губерниях и округах России. Материал, привлеченный к делу Г.А. Максимовичем, дает возможность с полнотой и отчетливостью познакомиться со всеми подобными выступлениями Румянцева и связать во едино все разрозненные и случайно известные ранее его “циркуляры”, “ордера” и распоряжения, отражающие известные его воззрения на настроения и внутренние отношения местного населения. Генерал-губернатор повсюду считал возможным проявлять свой “начальственный тон” – и в отношении к горожанам и шляхетству и казакам и как увидим ниже, повидимому самой малороссийской коллегии.

Организация выборов в городах по самому существу дела и по установленному в законе порядку должна была начаться решением двух вопросов – об участии в выборах того или иного городского населения и о составе избирательных собраний. Практика выборов вне Малороссии ясно показала, что термином “город” в избирательном законе не покрывалось все разнообразие характера поселений, почему иные из них лишь по собственному энергичному начинанию добивались признания за ними избирательных прав. Для этого приходилось доказывать участие населения в торговом деле и коренные отличия жизни обитателей таких мест от занятий и быта сельского или слободского населения. Если в этом случае желание населения могло внести поправку или дополнение в неясные общие формулы избирательного закона, то в других случаях – именно при наличии менее 50 домов в “городе” оно уже по закону могло определить самое участие населения в выборах своего особого депутата. На территории Малороссии были основания для случаев и того и другого рода, но картина выборов была здесь очень значительно спутана и затуманена тем, что решение подобных вопросов взял на себя сам генерал-губернатор, не имея на это в отношении второго вида обстоятельств – никакого права. Результатом этого действия гр. Румянцева явилось лишение 113 “городов” права самостоятельного определения своего отношения к выборам в Комиссию. Как выяснил г. Максимович, далеко не все эти поселения имели лишь наименование “города”, будучи населены лишь казаками и крестьянами, не иные из этого числа были настоящими городами со всеми элементами городского населения, почему гр. Румянцев не мог руководиться здесь лишь мыслью о строгом соблюдении буквы избирательного закона, говорившего о “городах”, но исходил из иных соображений, может быть и имевших известную силу и значение, но все же противоречивших не только букве, но и смыслу закона, открывавшего значительную свободу самостоятельности общественной. Ссылке Румянцева на обременительность выборов для населения таких городов, не запрошенного, повидимому, по этому поводу, не приходится придавать значения, – может

идти речь лишь об обременительности для администрации руководства таким большим числом избирательных собраний. Рядом с этим объяснением шагов Румянцева Г.А. Максимович ставит и то соображение, что его могла смутить возможная многочисленность представителей от малороссийских городов – несоразмерная с числом городских депутатов от остальной части России /стр. 15-16/.

Внутренняя жизнь украинских городов была проникнута, повидимому, началами разделения и вражды между отдельными группами городского населения. Избирательная кампания 1767 года с особенной ясностью и отчетливостью вскрыла эту противоположность и непримиримость мещанства, шляхетства и казачества, а вместе с тем, естественно, обнаружила возможность при отсутствии единения в соглашении для вмешательства представителей администрации. Книга Г.А. Максимовича вносит много нового в изображение столкновений всех этих общественных элементов и дает ясную картину их причин, течения и следствий. Почти все затруднения и несогласия при городских выборах были отчасти связаны с вопросом о составе избирательных обществ, в избирательном законе намеченном не настолько ясно и определенно, чтобы на местах возможно было обойтись без особых их толкований и перетолкований. Румянцов признавал недопустимым участие в выборах владельческих крестьян /Максимович, 53, 96/, предоставив им от указанных 113 городов подавать ему «прошения» о нуждах, и умолчанием о избирательном праве городского духовенства, может быть, дал основание для непривлечения и его к выборам во всех городах кроме Лубен /Максимович, 95-96/; центром же внимания и администрации и местного населения было соотношение между мещанством и шляхетством. Борьба между этими двумя общественными группами, осложняемая еще и участием казачества, имела место чуть ли не в каждом городе Малороссии, скачиваясь в одних местах – при численном перевесе мещанства /Новгород-Северске 73,4%, Стародубе – 54, 4%, Чернигове – 62,1%/ - его победой на выборах и при сочинении наказа, в других городах – победой шляхетства /Полтава – мещ. 63, 1%, шлях. – 36, 8%/, в иных же – отменной выборов. Основанием для отмены в г. Лубнах была м.б. защита интересов мещан, не добившихся внесения их заявлений в наказ, отражавший потребности шляхетства и казаков, хотя Румянцов, ссылаясь на «невеликое» число мещан в городе, что следовало, конечно знать раньше, а не после исхода всего дела выборов; в трех остальных городах – Прилуках, Гадяче и Сорочинцах выборы кассированы были вследствие их односторонности в другом отношении – именно отсутствию некоторой части шляхетства на избирательном собрании /стр. 88 и сл./, хотя избирательный закон не дает никаких указаний относительно состава самого избирательного собрания, его кворума, полноты и равномерности представительства в нем отдельных элементов избирателей и т.п. Г.А.Максимович считает возможным объяснить такие действия Румянцова его своеобразным пониманием закона и своих прав и обязанностей, отвергая возможность пристрастия или благосклонности к шляхетству; доброжелательное отношение генерал-губернатора к интересам ме-

щан /Максимович, 95/, и, прибавим, признание шляхетства руководителями организаций враждебной пропаганды всем начинаниям Румянцова, так ясно и отчетливо выраженное в донесениях его Екатерине II., действительно, повидимому, исключает возможность видеть в этом какое-либо покровительство одной части населения в ущерб другой. Иное настроение проявилось со стороны “начальников” или руководителей выборов, при участии и содействии м.б. которых в г. Полтаве, Лубнах, а м.б. и в Остре и Козельце, победа досталась шляхетству. /97 – 98/.

Выступая во время выборов в многих городах противником мещанства, обнаружившего большую сплоченность и солидарность /99/, шляхетство в общей массе своей не было внутренне объединенным и согласным. Привлекавшаяся к участию в городском избирательном деле часть шляхетства заботилась о сохранении своей сословной исключительности, препятствующей ей приравнять себя к мещанству деланием общего дела на равных с ним правах, и стремилось не допустить широкой критики прежних действий шляхетства и малороссийской старшины. В этом отношении шляхетство было более или менее единодушно. Но не вполне так обстоит дело, когда вопрос коснулся собственно сословных прав и интересов шляхетства и общего отношения его представителей к начинаниям Императрицы Екатерины II и гр. Румянцова по отношению к основам малороссийского общественного быта и политического уклада. В этом случае обнаружилось глубокое разделение между отдельными элементами шляхетства, далеко неровными по величине и значительности, и совершенно противоположными по симпатиям, стремлениям и воззрениям, в одной части опиравшимися на гр. Румянцова и его административные приемы, в другой – на верность старинным идеалам национальной самобытности и независимости. Понятно, что именно шляхетские выборы и составление наказов по поветам и явились центральным моментом или явлением во всей избирательной кампании 1767 года в Малороссии; с деятельностью шляхетства связаны и конфликты в городах и те или иные особенности выборов и порядка составления наказов от казачества. В настроении и деятельности шляхетства гр. Румянцов видел основу всех настроений в деле осуществления манифеста 14 декабря 1766 года, считая “больших” и их агитацию и руководство корнем всего зла, проявившегося в крае в 1767 году.

Г.А. Максимович рассматривает обстоятельства выборов и составления наказов по поветам со всею подробностью, какую позволяли ему достигнуть изученные им новые материалы. Выясняется со всею отчетливостью и ранее, правда, замеченный факт, что “выборы предводителей и депутатов от шляхетства прошли без всяких особых инцидентов и без давления на них Румянцова, зато составление наказов ознаменовалось крупным столкновением между Румянцовом и шляхетством” /219 и др./. Почти в каждом повете имели место споры и столкновения из-за содержания наказов, причем одною стороною является “немногое число шляхетства одних сентиментов” с гр. Румянцовым, принимавшее за должное его политику и отношение к украинскому общественному и политическому быту, а другою – повидимому большинство шляхетства,

обуянное “закоренелым предрассуждением” – по оценке их противников, “предрассуждениями”, по существу означали как возвышенную любовь к былой славе Украины и своеобразию уклада ее жизни, так, конечно, и в значительной степени эгоистическое стремление к сохранению особого привилегированного положения шляхетства в среде украинского общества. Опасность, какую для носителей этого мировоззрения представляла деятельность гр. Румянцова, имевшего особое поручение от Имп. Екатерины II – выкорчевать с корнем из богатой украинской почвы традиции гетманщины, вызывала особую сплоченность в среде шляхетства для защиты своих идей и воззрений, – а эту защиту приходилось вести не только против самого генерал-губернатора с окружающими его чинами администрации, но и против своих же членов шляхетства, изменивших общему его мировоззрению и примкнувших к его противникам. Это внутреннее разделение еще более осложняло общую картину и создавало в отдельных поветах чрезвычайно острые конфликты, которые усугублялись совершенно незаконным вмешательством Румянцова и его сторонников в дело составления наказов, обеспечить свободу которого было одной из задач Екатерины II, иной раз – особенно в отношении Малороссии, впрочем, отступавшей от своих правил и чуть ли не поощрявшей принятый Румянцовым «тон начальничества» и принуждения.

Излагая сведения о выборах и наказах по поветам, Г.А.Максимович рисует картину отражения этих непримиримых позиций правительства и его партии и шляхетства в пределах каждого избирательного округа, связывая воедино несколько разрозненно известный ранее материал. На страницах его книги находим и новый обстоятельный пересказ известного дела о выборах депутата в Нежинском и Батуринском поветах, давно уже привлекавшего внимание исследователей; одну подробность можно прибавить к этому пересмотру: - предание суду виноватых в «бунте» и неповиновении Румянцову – взамен прежней более мягкой резолюции Сената по этому делу – было постановлено последним едва ли не по указанию Имп. Екатерины, в бумагах которой нам встретился ее собственноручный список этой резолюции. /Арх. Мин. Юст., из Архива дел государственного Казначейства/.

Причиной всех столкновений 1767 года Г.А.Максимович считает стремление шляхетства внести в свои указы требования – о возвращении Малороссии всех ее прежних прав и вольностей, об учреждении рублевого оклада, о прекращении генеральной описи, а самое главное – о восстановлении гетманства, – иначе говоря – требования об отказе правительства от его политического курса в Малороссии и об отмене всех тех предприятий, какие так серьезно были обдуманы и проводились гр. Румянцовым. Понятны стремления Румянцова загасить в самой основе этот огонь вражды и недовольства его деятельностью, и не дать исхода на широкий свет этой суровой критике его деяний. Строгая цензура наказов, даже фальсификация общественного мнения являются средством к этому. Составленный А.Безбородко в соответствии воззрений Румянцова наказ был без давления принят шляхетством в

Чернигове, откуда как образцовый был предложен для использования и в другие места, что было выполнено в Стародубе и в Нежине, вызвав здесь жестокую бурю негодования, подавленную преданием всех протестантов суду, едва не стоившему многим «живота». В остальных местах «успех» гр. Румянцова был гораздо менее значителен, выражаясь м.б. в отказе шляхетства от внесения «самого сокровенного желания» шляхетства, по мнению г. Максимовича /219/, – о восстановлении гетманства, которое было заявлено в Нежине, заставив увидеть в нем наличность заговора и бунта. Г.А. Максимович подмечает и готового уже кандидата на гетманское достоинство – в Ив. Скоропадском, избрание которого депутатом в четырех избирательных округах несомненно означало особое благоволение населения к этому человеку – «признанному патриоту и любителю вольности и стародавних прав», как отзывался о нем Румянцов.

Рассказ о выборах и составлении наказов от казачества отмечает ту же противоположность настроений шляхетства и гр. Румянцова. Последний разделил представительство шляхетства и казаков, хотя юридической грани между ними и не было, предполагая этим предоставить возможность казакам критически отнестись в наказах к притеснениям старшины, фактически отличной во многом от широких масс казацких /227-228/. Гр. Румянцов поделился с Екатериной II радостью по поводу того, что наказ черниговских казаков явился как бы «искровым прощением на старшин и чиновников», что могло, будто бы, как думала Екатерина, «многим спеси сбавить» /232/, – но другие округа такой радости доставить не могли. Дело в том, что, тогда – как подчеркивает г. Максимович, отделение казаков от шляхетства и обложение их с однодворцами в порядке избрания депутатов вызвало крайнее недовольство казаков, считающих себя равными шляхетству /291/. Рядом с этим сам Румянцов связал эти две общественные группы так, что выборы от сотен отдал под надзор старшины, которой позднее поручил произвести «освидетельствование» наказов в отношении соответствия их предписаниям закона /291/. Результаты этого распоряжения были противоположны намерениям гр. Румянцова. Производя почти повсеместно выборы депутатов без каких-либо затруднений и воздействий со стороны /295/ казаки в деле составления наказов оказались тесно связанными со шляхетством, влияние которого в этом отношении было, по заключению г.Максимовича, очень значительно. Манифест 14 декабря 1766 года для избирателей третьего разряда установил двухстепенные выборы, почему явилось и два рода наказов – погостные или на деле чаще сотенные и общеполковые. Составление последних было недоступно самому рядовому казачеству, почему естественным явилось участие в этом деле шляхетства; последнее не удовлетворялось кратким и скудным содержанием наказов от избирательных округов первой степени, но вносило в общие – полковые наказы и ряд положений общего характера, отражающих умонастроение шляхетства и излагающих с известной полнотой требования выбирать «вольными голосами» старшину и гетмана; другим последствием участия шляхетства в

составлении наказов от казаков было отсутствие в них так ожидавшейся Румянцовым критики положения и деятельности старшин. Гр. Румянцов “сам присутствуя на выборах в Чернигове, допустил составление общего казачьего наказа от всего полка” /295/, но затем, как думает г. Максимович, заметил в таком приеме, имевшем место в других полках, противоречие букве закона и стал требовать замены общеполковых наказов сотенными, не сведенными к известному единству /294 и др./. Практика составления наказов от третьего разряда населения и в других краях России была не однообразна, – и рядом с немногими собственно провинциальными наказами³⁰¹ в Комиссию были представлены в большом изобилии дробные наказания по “погостам”. Избирательный закон по этому вопросу дает действительно очень мало указаний, которые по аналогии с положением для дворян и горожан обычно истолковываются не вполне согласно. В “обряде” Д в пп. 9, 12, 18 и 19 – говорится лишь о последовательной передаче “наших нужд и недостатков” уездному поверенному, их – провинциальному поверенному, а последним – “где надлежит”, но любопытно, что в п. 18 в “образце полномочия” провинциальному депутату говорится от имени уездного поверенного не только о нуждах и недостатках, как в п. 9 и 12: – “и препоручили ему всенижайшие наши челобития и представления, таком усмотренные нами общие недостатки и нужды», соответственно чему в п. 19 – “челобития и представления” и в п. 22 прямо – “наказ”, как будто нечто единое и цельное. Порядок составления этих челобитий, представлений и наказов избирательный закон не предусматривает в отличие “обряде” городского и дворянского, – отсюда естественно разнообразие и в практике и в понимании исследователей: взгляд г.Максимовича расходится с соображениями В.И.Семевского³⁰², В.Боголюбова³⁰³, П.Г.Архангельского³⁰⁴, которые, повидимому, считают сводный “наказ” более соответствующим смыслу и цели закона, чем дробные приходские наказания и челобития. При такой неясности закона несколько противоречивые действия гр. Румянцева по отношению к полковым и сотенным наказаниям можно, кажется, объяснить не только заботами его о точном исполнении закона в его собственном понимании и толковании, но и некоторым скрытым под ними стремлением уничтожить полковые наказания со следами “отзыва древних тамошних умствований” о восстановлении “мечтательного благоденствия”.

В главе пятой своей книги Г.А.Максимович сообщает краткие сведения о выборах депутата и составлении наказа о малороссийской коллегии, приводя число голосов, полученных при выборах каждым членом

³⁰¹ Провинциальные наказания – см. Сборник Ист. Общ., т. 4, 86, 87 – госуд. крест. Исатской пров. и Уфимской: Сборник, т. 116, 199 – госуд. кр. Тверск. пров.; т. 115, 31 – однодв. Тульской пров., ср. А.М.Ю., д. Моск. Губ. Пр., 2365, д. 1028. Все три крестьянские наказания Финляндии – от провинций /см. Флоровский, Состав Законодательной Комиссии 1767-1774 г., стр. 428-31 Арх. Гос. Сов., р. 109/5. Сборник Историч. Общ., т. 144, стр. 76 – наказ войсковых слобод Сумской провинции. Ср. еще Сборник, т. 115. 41 и след., 69.

³⁰² Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II. т. II, 434.

³⁰³ Сборник статей, посвященный В.О. Ключевскому. Стр. 518.

³⁰⁴ Выборы в Екатерининскую Комиссию от крестьян Двинского Севера. /из Историч. обзор. – Т. 20, стр. 10, 26, 27./

коллегии и устанавливая значительное влияние гр. Румянцова на текст наказа. Указания автора по последнему вопросу можно значительно пополнить. Еще в 1911 году нами была напечатана в Записках Одесского Общества Истории и Древн. том 29 и отдельно – “мнение” Румянцова “о свободном переходе малороссиян”, в вводной заметке к которому мы отметили, что 18 пункт наказа коллегии является выпиской из этого “мнения”, - так что обстоятельный ответ коллегии на 18 п. “Записки” гр. Румянцова в наказе является несамостоятельным. С другой стороны есть известие и об обстоятельствах принятия коллегией предложений Румянцова относительно наказа, - именно в оставшемся неизвестным г.Максимовичу письме Румянцова Имп. Екатерине II от 5 августа 1767 года. Препровождая ей текст наказа гр. Румянцов пишет: “хотя сие /наставление/ в сем последнем правительстве /коллегии/ и замедлилось, но причины тому препятствования В.И.В. уже известны: мне надобно было дожидаться партикулярных тех наказов, данных депутатам от здешних поветов и войти во все состояния здешних дел, до сего касающихся. Мне то некоторым образом и удалось, и я особенное имел удовольствие найти здешних коллегии господ сочленов в рассуждения моих к ним подносимое депутату наставление предложений резонабельными. Кочубей из них отозвался быть во всем том со мною согласным, другие же хотя и вмешали несколько пристрастия и рассуждений, но после все к одному сему приступя согласились. Тут В.И.В. изволите усмотреть о шляхетстве и винном, - первое и другое надобно бы ограничить, а ограничив их в некоторые пределы, и выведя из общего дела можно первым скорее привести в резон, а последнее и в пользу обращать коронную”.

Последняя глава книги Г.А. Максимовича имеет чисто справочный и подготовительный характер. Здесь приводятся сведения – о случаях передачи избранниками украинского населения их депутатских полномочий другим лицам и о деятельности депутатов в Комиссии. Этот обзор ограничивается лишь выступлениями депутатов в общем собрании Комиссии, не касаясь их работ в частных комиссиях, что представляет немаловажный интерес для характеристики деятельности представителей Украины. Известно, например, участие деп. Вл.Золотницкого, а отчасти и И. Хозинского в составлении плана об училищах³⁰⁵; Натальяина в частной комиссии о размножении народа³⁰⁶; Мотомиса в комиссии об имениях³⁰⁷; проекты П. Рымши – “о вычищении р. Ловати российской торговле споспешествовать могущей” и “о способе споспешествующем к приведению великого Новгорода в благополучнейшее состояние”³⁰⁸.

³⁰⁵ Рождественский. Материалы для истории учебных реформ в России в 18 – 19 веках. СПб., 1910. 150, и сл. 177 и сл. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в 18-19 вв. СПб. 1912. стр. 300 и сл.

³⁰⁶ Флоровский. Из истории Законодательной Комиссии 1767 г. Одесса, 1910, стр. 194 и сл.

³⁰⁷ См. справка 1774 в Арх. Гос. Сов., в. 142 – Мотонис “упражнялся” в сочинениях о наследных, оброчных и т.п. имениях.

³⁰⁸ Архив Государственного Совета, в. 223.

Одна особенность книги Г.А. Максимовича обращает на себя внимание: изложение ведется все время в узких рамках малороссийского края; ни один вопрос избирательной техники, ни одна из общих принципиальных задач и недоуменных вопросов избирательного дела не разбирается автором на фоне всероссийской, так сказать, практики, но все время Малороссия является изолированным объектом изучения, почему чувствуется некоторая ограниченность общего фона, отсутствие более или менее широкой исторической перспективы.

С другой стороны эта ограниченность и некоторая узость не покрывается богатством выводов и обобщений в содержании книги, лишенной и собственно украинской исторической перспективы.

Далеко не все выводы отличаются совершенной новизной, многие намечались и ранее по ограниченному и скудному материалу: в работе г. Максимовича новое изучение значительно большего количества данных, однако, как мы видели, все же не всегда еще полного, что сознает и сам автор, - частью возобновляет и усиливает прочность прежних заключений, частью создает и приводит к новым результатам, ранее недоступным при отсутствии сведений, как например об отношении между сотенными и полковыми наказами и т.п. Но сосредотачивая внимание на фактической обстановке выборов и составления наказов, г. Максимович чрезвычайно скуп на обобщения, подсказываемые не только что рассмотренными сведениями, но вызываемые самим существом разбираемых вопросов и затронутых отношений. Все, что касается общих идейных оснований украинского общественного движения 1767 года в рассматриваемой книге затрагивается лишь мельком и нарочито лишь формально, отлагаясь для второй части работы, почему первый том естественно оценивается, хотя против подобного заключения предостерегает сам автор, как подготовительный, рассматривающий лишь материал для второго.

Таким образом подлежащая нашей оценке книга представляет собою объективное и деловое изложение фактов и объяснение их взаимных отношений. События 1767 года в Малороссии – один из самых важных и ярких моментов в истории борьбы украинской самобытности с централизующими стремлениями правительства Императрицы Екатерины II – не получили в работе Г.А.Максимовича полного и всестороннего освещения и осмысления на широком историческом фоне. Но являясь вполне надежной – по тщательности и обстоятельности подбора и передачи данных – основой для выполнения такой глубокой и широкой исторической картины, книга Г.А.Максимовича несомненно заслуживает поощрения.

СПБ ФАРАН. – Ф. 2. – Оп. 1-1917. – Спр. 26 (60 конкурс о соискании премии графа Уварова в 1917-1918 гг.). – Арк. 42–58.

***Little-known ucrainistic manuscript of A.V. Florovsky:
introduction into the historiographic context***

In this article a little-known review on the monograph of the Nizyn historian G. Maksymovych is introduced to the historiographic context. This review was prepared for the Russian Academy of Sciences by the Odessa historian A. Florovsky in 1917-1918 in connection with representation of the book of G. Maksymovych on the count Uvarov award.

УДК 94(477):356/357-058.229:32.019.5 "19"

Ігор Стамбол

**УКРАЇНСЬКЕ КОЗАЦТВО В ІНТЕЛЕКТУАЛЬНІЙ СПАДЩИНІ
ІДЕОЛОГІВ УКРАЇНСЬКОГО НАЦІОНАЛІЗМУ ХХ ст.**

У статті на базі ідеологічних і геополітичних творів теоретиків українського націоналізму висвітлено і проаналізовано їхні погляди на історію українського козацтва, а також його місце в історичному процесі.

На початку ХХ ст. відбулась значна трансформація української національної ідеї. Якщо у ХІХ ст. переважали різноманітні федералістські та автономістські концепції, то вже до 20-х рр. ХХ ст. відбувся поступовий перехід до самостійництва. Водночас почався процес становлення націоналізму як однієї з основних течій українського визвольного руху. Це не могло не позначитися на українській історичній науці – почався перехід від народницького до державницького напрямку в історіографії. До його засновників дослідники відносять насамперед М. Грушевського, Д. Дорошенка (відомих федералістів), В. Липинського та С. Томашівського. Проте не можна виключати із переліку причетних до створення державницького напрямку в історіографії осіб, які часто мали більший успіх в поширенні своїх праць на історичну тематику порівняно із видатними та титулованими істориками. Мова йде про ідеологів українського націоналізму, чия публіцистична спадщина містить значну кількість досить ґрунтовних історичних розвідок. У деяких їхніх творах важко знайти історичні відомості, як наприклад в "Націократії" М. Сціборського. Це залежить від стилю написання і обсягів апелювання авторів. Одні, як М. Сціборський, апелювали до внутрішнього та зовнішнього положення країни і таким чином вибудовували власні концепції, інші – шукали шляхів вирішення нагальних проблем нації в історії та традиціях українців. Серед таких діячів варто згадати М. Міхновського, Д. Донцова, Ю. Липу й Є. Маланюка. Їхні історичні погляди містили чимало оригінальних ідей. Особливо це стосується таких найяскравіших періодів історії українських земель як княжа (ІХ – ХІV ст.) та козацька доба (ХV – ХVІІІ ст.).

Ідеологічні праці, будучи популярними і маючи великий вплив на формування політичних поглядів українського суспільства також певним чином нав'язували погляди ідеологів на роль українського козацтва